

(Аль-Ани, Н. М. Философия техники: очерки истории и теории : учебное пособие / Н. М. Аль-Ани. – СПб, 2004. – 184 с.)

Американский социолог и политолог Дэниел Белл в 1965 г. выдвинул понятие «постиндустриального общества». Данное понятие и разработанное на его основе учение фактически с позиции технологического детерминизма подходят к объяснению социокультурной реальности и пониманию общественно-исторического процесса, поскольку провозглашают уровень развития индустрии (промышленности), который находит свое адекватное выражение в размере валового национального продукта (ВНП), главным показателем и основным критерием социального прогресса.

Концепция Д. Белла различает три основные исторические состояния (или три стадии развития) человеческого общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. Доиндустриальная стадия в общественно-историческом процессе характеризуется весьма низким уровнем развития индустрии, а, стало быть, и малым объемом ВНП. Большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки находятся на данной стадии. Страны же Европы, а также США, Япония, Канада и некоторые другие страны находятся на разных этапах индустриального развития. Что же касается постиндустриального общества, то это общество нынешнего XXI столетия, хотя некоторые сторонники указанной теории полагают, что оно уже начало складываться в последние десятилетия XX столетия, а то и раньше.

Важнейшим признаком постиндустриального общества, согласно Д. Беллу, является преобладание таких сфер хозяйственной деятельности, как экономика услуг, производство информации и духовное производство в целом. Поэтому в социальной структуре этого общества подавляюще преобладают именно те слои населения, которые заняты в этих конкретных сферах. Постиндустриальная стадия развития общества характеризуется также сокращением продолжительности рабочего дня, снижением рождаемости и фактическим прекращением роста народонаселения, существенным повышением качества жизни», интенсивным развитием «индустрии знания» и широким внедрением наукоемких производств. Ее главной особенностью в политической сфере, по мнению Д. Белла, являются отделение управления от собственности, плюралистическая демократия и «меритократия» (от лат. «meritus» - «достойный» и греч. «kratos» - «власть» - власть лучших специалистов в своих областях).

Д. Белл выделил 11 черт постиндустриального общества: центральная роль теоретического знания; создание новой интеллектуальной технологии; рост класса носителей знания; переход от производства товаров к производству услуг; изменения в характере труда (если раньше труд выступал как взаимодействие человека с природой, то в постиндустриальном обществе он становится взаимодействием между людьми); роль женщин (женщины впервые получают надежную основу для экономической независимости); наука достигает своего зрелого состояния; ситусы как политические единицы (раньше были классы и страты, т.е. горизонтальные единицы общества, однако для постиндустриальных секторов более важными узлами политических связей могут оказаться «ситусы» (от лат. слова «situ» - «положение», «позиция») или вертикально расположенные социальные единицы); меритократия; конец ограниченности благ; экономическая теория информации.

Различные варианты теории постиндустриального общества были впоследствии предложены Э. Тоффлером, Дж.К. Гэлбрейтом, У. Ростоу, Р. Ароном, З. Бжезинским, Г. Канном и другими. Так, например, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер полагает, что постиндустриальное общество представляет собой некую «Третью волну», которую человечество проходит в своем историческом развитии. Всего, по его мнению, оно проходит три «волны». Первая – аграрная – продолжительность почти 10 тысяч лет. Вторая волна – это индустриально-заводская форма организации общества. Третья волна берет свое начало в середине 50-х гг. XX столетия в США и отличается, прежде всего, созданием турбоактивной авиации и космической техники, компьютеров и компьютерной технологии. В социальном плане она характеризуется подавляющим преобладанием так называемых «белых воротничков» (научно-технических работников) над «синими воротничками» (рабочими), прекращением классового противостояния и устранением социальных антагонизмов, а в политическом – установлением подлинной демократии.

Разновидностью теории постиндустриального общества выступает и учение о так называемом «информационном обществе», которое объявляет производство и использование информации основополагающим фактором социального прогресса, определяющим собой все параметры существования и характер развития общества. Таким образом, технологический детерминизм получает свою конкретизацию или трансформируется в некий информационный детерминизм, развиваемый Г.М. Мак-Люэном, Е. Масудой и другими. Герберт Маршал Мак-Люэн (1911-1980) еще в 1967 г. выдвинул положение, согласно которому именно средства передачи информации, а, стало быть, средства общения и коммуникации вообще, являются основным, решающим фактором развития общества.

В новом постиндустриальном обществе, по мнению некоторых исследователей, формируется целостная «инфосфера», которая оказывается решающей и определяющей не только в структуре самой техносферы, но и в структуре общества в целом. В связи с этим утверждается, что в информационном обществе появляется «четвертый» сектор экономики – информационный, который сразу же захватывает лидерство и начинает доминировать над остальными тремя: промышленностью, сельским хозяйством и «сервисным сектором», т.е. сферой услуг. Отсюда делается вывод о том, что в данном обществе происходит окончательное вытеснение таких традиционных факторов общественно-экономического развития, как труд и капитал и их замена информацией и знанием.

Все это, по мнению теоретиков информационного общества, приводит к существенному изменению социальной структуры. Так, согласно японскому социологу Е. Масуде, ведущее место в структуре информационного общества будет

принадлежать недифференцированным в классовом отношении так называемым информационным сообществам, в которых системообразующим элементом выступает новый тип человека, названный им «homo intelligens» («человеком знающим» или «понимающим»). С точки зрения сторонников теории информационного общества, информационный подход становится решающим и в плане понимания самого человека, который уже трактуется не иначе как субъект информационного процесса, как творец и носитель информации и знания.

Итак, в информационном обществе, согласно его теоретикам, происходят интеллектуализация и информатизация производства и всего общества в целом. Происходящие в этом обществе технические изменения и вызываемые ими социально-экономические сдвиги непременно, по их мнению, приводят к повышению качества жизни настолько, что более уже не приходится говорить о существовании такого традиционного социального зла как бедность и нищета, а другое зло – безработица – просто трансформируется, как полагает Х. Эванс, в «обеспеченный досуг». В результате этого социальная структура информационного общества становится недифференцированной (однородной) в классовом отношении, поэтому все классовые антагонизмы и социальные конфликты канут в вечность.

Информационным обществом будет управлять некая постклассовая научно-техническая или «кибернетическая элита» (К. Штайнбух), т.е. сообщество таких научно-технических работников, как, например, математики, программисты, экономисты и другие, которые будто бы лучше всех остальных знают, как найти и обеспечить наиболее оптимальные и

эффективные решения проблем функционирования и развития общественного целого.

Аргентинский философ Марио Бунге, отвергая капитализм и социализм, предлагает в качестве альтернативы то, что он называет «холотехнодемократией» или «интегральной технодемократией».

«Холотехнодемократия» представляет собой общественный строй, который позволяет, более того, поощряет равный доступ к богатству, культуре и политической власти. Однако это не значит, что она утверждает некую уравниловку, т.е. равенство в буквальном смысле слова. Как раз наоборот, она устанавливает так называемое «квалифицированное равенство», т.е. некую комбинацию элитарности и демократии.

Интегральная технодемократия характеризуется также потребностью в как можно более малом и слабом государстве, так как хорошо устроенное общество не нуждается в большом правительстве. Вместе с тем она предполагает создание федерации и государств вплоть до «мирового правительства», поскольку «эффективное управление системами большого масштаба требует центральной координации их составляющих единиц».

Различные модификации теории постиндустриального общества служат отдельным исследователям достаточным основанием заявить о наступлении вместе с формированием этого общества новой эры в истории человечества, или новой цивилизации (информационной или глобальной), при которой все стороны общества и аспекты культуры, начиная с техники и экономики и кончая искусством и другими формами духовного бытия человека, претерпят существенную трансформацию. Контур этой новой глобальной или информационной цивилизации в первом приближении начинают, якобы, вырисовываться вместе с появлением триединства – космического (точнее, коммуникационного) спутника, кабельного телевидения и персонального компьютера – и распространением «железных воротничков» (роботов). Глобальная информационная цивилизация, таким образом, характеризуется созданием и установлением единого общепланетарного информационного пространства – глобальной информационной сети, представляющей собой некий синтез телевидения, компьютерной службы и энергетики, т.е. то, что Дж. Пелтон называет «телекомпьютерэнергетикой».

Что касается процессов информатизации и глобализации, которые действительно

10. Теории постиндустриального и информационного общества.

Автор: Александр
12.05.2011 09:35

происходят в современном мире, то они, вопреки всем оптимистическим ожиданиям и прогнозам, ничуть не снимают и даже не смягчают, а как раз наоборот, еще больше обостряют социальную напряженность и усиливают социальное противостояние в современном обществе и вообще по своим последствиям оказываются весьма далекими от той идиллии, которую обыкновенно рисуют в своих футурологических концепциях теоретики информационного или постиндустриального общества. Это доказывает хотя бы тот факт, что указанные процессы привели не к снижению, как предполагалось, а наоборот, к дальнейшему повышению уровня безработицы и бедности во всем мире, в том числе и в Европе.